ISSN 2304-120X
КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал

Пятилетова Л. В. Гендерная идентичность против социального хаоса: российский антифеминизм как массовый женский проект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № 8 (август). – 0,6 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2017/173002.htm.

ART 173002 **УДК 130.123**

Пятилетова Людмила Владимировна,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», г. Екатеринбург
Lyuda.p73@yandex.ru

Гендерная идентичность против социального хаоса: российский антифеминизм как массовый женский проект

Аннотация. *С женским движением в современной России сложилась довольно любопытная нетривиальная ситуация: с одной стороны, в публичной сфере наблюдается наличие «высокого» феминистического дискурса, с другой стороны, усиливается, стремительно интенсифицируясь, женский антифеминизм. В этом принципиально конфликтном противостоянии, вносящем раскол в ряды (постоянно нарождающегося волнами) российского женского движения и значительно подрывающем его эмансипаторский характер, помогают разобраться, поняв природу происходящих социальных процессов, рассматриваемые в статье (1) теория «социального хаоса», (2) исследования в области становления гендерной (женской и мужской) идентичности, (3) новейшие антропологические данные о модифицированной модели классической русской семьи. Таким образом, в статье констатируется факт обоснованности всплеска (женского) антифеминизма в России путем выявления неочевидных для современного феминистического дискурса причин генезиса массового по масштабу российского женского антифеминизма.*
Ключевые слова: *гендер, идентичность, социальный хаос, женщина, феминизм, антифеминизм, сексизм.*
Раздел: *(03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.*

Одной из животрепещущих тем современного философского дискурса до сих пор остается гендерная проблематика. Третья волна феминизма (и прогнозируемая четвертая) является тому ярким подтверждением.

Феминизм третьей волны уже во многом дистанцировался от задач первой и второй волн феминизма и, существуя параллельно со второй волной, в большей степени сосредоточен не столько на вопросах борьбы с сексизмом, сколько (если говорить собственно о «женском») на проблеме (само)идентификации женщины («женщина» как значимый социальный «проект») и осуществлении ею своих возможностей (быть «уникальной женщиной») [1].

Нельзя сказать, что в большинстве существующих обществ цели феминизма достигнуты: большая часть обществ являются патриархально-сексистскими по своим установкам [2], однако сексизм, кажется, на первый взгляд, во многом отступает, социальное преобразуется в пользу женского (женских ценностей) [3], однако бороться с дискриминацией по половому признаку между тем становится всё сложнее, поскольку сексизм модифицируется, приобретая гибридно-латентные формы, на сегодня он зачастую не транспарентен [4–6].

Насколько же история трех волн феминизма, возникшая в американской историографии (а потому – аутентичная для США и принципиально не калькируемая), является российской «женской историей»? В отечественных исследованиях женского вопроса с сожалением констатируется специфика «особого пути» развития феминизма в России, зеркально отражающего особенности её социально-политического, культурно-исторического развития.

По отношению к вопросу о специфике и количестве волн феминизма в России выделяется как минимум два подхода.

Феминизм – продукт эпохи Просвещения и Французской революции XIX в., российский феминизм является наследником европейского проекта эмансипации женщин. Первая волна феминизма в России считается состоявшейся, завершенной и даже унаследованной в русской классической литературе: феминизм в России был во многом литературоцентрическим – «дух эмансипации» (ценности, модели, образцы) передавался через образование, романы. И касался этот проект преимущественно образованных женщин. Он по настоящий момент постоянно воспроизводится, так как в школьной отечественной программе дух этого проекта («образованная европейка) отражен, и на выходе можно увидеть «готовый продукт» феминизма первой волны: образованную молодую женщину, для которой безусловными ценностями являются просвещенность, независимость, свобода, а также желание разделить эти ценностные блага с другими женщинами (эти ценностные установки подхвачены актуальным феминизмом как в Европе, так и в России).

Единственный недостаток этого проекта, если речь вести исключительно о России, что и является предметом рассмотрения в данной статье, заключается в том, что ни в свое время, ни сейчас (в «эру» не элитарной культуры) он так и не стал массовым – разделенным «большинством» женщин.

Относительно первой волны феминизма в исследовательской литературе есть консенсус, со второй и третьей волнами всё сложнее.

Одни исследователи [7] выделяют еще две волны феминизма в России как два незавершенных проекта. Другие – только вторую волну.

Всё дело в критериях. 1) Если критерием успеха проекта женской эмансипации считать внешние («отчужденные») проявления социально-политических изменений, то в России действительно можно насчитать еще два феминистских проекта и рассматривать «советский проект женской эмансипации» как массовый женский проект, идущий «сверху» (от тоталитарного государства), дарующий (советской) женщине политические права и свободы.

(Но хотела ли женщина этих прав? Было ли это её «выстраданным» желанием? Данный проект по большей части рассматривал женщину как объект для извлечения дивидендов государством. Именно поэтому он не удался: «эффект двойной занятости» и усталость – вот итоги эмансипации по-советски. С другой стороны, опыт (пусть и во многом декларативного) равенства в публичной сфере стал частью личного опыта многих женщин на постсоветском пространстве.)

2) Есть и другой критерий. «Женское» может стать фактом социальной реальности, если и только если его внешнее определение совпадает с внутренним самоопределением, т. е. изначально является неотчужденным от внутренних потребностей женщины как субъекта. Вторая (советская) волна не подпадает под этот критерий. И с этим сложно не согласиться.

Советский проект женской эмансипации не стал массовым, не состоялся, поскольку изначально был чужд женщине. Да и мужчине тоже: в «шуточных» опросах, посвященных восприятию разных «жизненных проектов» женщин мужчинами – кого они больше всех не любят, последние после «алкоголичек и наркоманок» выбирали «работающую мать» как крайне социально токсичный, вызывающий идиосинкразию социальный тип.

Фактически «работающая мать» – социальный продукт советского эмансипаторского проекта. Мы находим неприятие «продуктов» этого проекта и по сей день, например, в экзистенциальных мужских исповедальных жизненных «резюме» [8].

Девяностые годы XX в. в России в корне изменили социально-экономическое положение «советской женщины»: «Все без исключения исследования показывают, что жизненные шансы большинства работающих женщин значительно ухудшились: перед ними возникла реальная угроза бедности, безработицы и полной социальной незащищенности. Это стало мощным тормозом на пути формирования современной идентичности профессионально ориентированной женщины, основанной на сочетании ценностей свободного выбора, самореализации и семьи, а следовательно, и препятствием для возобновления проекта женской эмансипации в России» [9].

Волна феминизма девяностых (третья или вторая по счету – в зависимости от позиции исследователей гендерных вопросов в России) началась с группы активисток-теоретиков, получивших образование в области гуманитаристики, прекрасно владеющих иностранным языком и имеющих доступ к информации, присоединившихся к широкой сети международных гендерных исследований и, главное, интериоризировавших прогрессивные «европейские ценности».

Это совершенно иной для России (во многом непонятный и даже, как это будет показано в конце статьи, чужеродный) продукт «женской эмансипации»: пласт российских женщин с особым – «глубоким» – уровнем вовлеченности в проблемы женщин России. В этих женщинах на другом уровне «вспыхнул» и расцвел проект первой волны феминизма. Они смотрят с оптимизмом в будущее, однако спад интеллектуальной активности (дискуссии) в публичной (российской) среде и женского движения в целом не отметить невозможно.

Более того, нельзя сказать, что «тенденция эмансипации» разделена сегодня большинством россиянок. Отнюдь. Ситуация складывается парадоксальная: именно женщины массово выступают против феминизма. Этот социально-экзистенциальный конфликт находит свое эмоциональное выражение в отечественных гендерных исследованиях: «Исследователи бьют тревогу: для современной женщины сексизм настолько органичен, что именно она выступает против антисексистских установок… И если прежде – в XIX и XX вв. – женщины отважно сражались за право быть воспринимаемыми как люди (и всячески стремились давать основания к такому восприятию!), то сегодня процент таких энтузиасток рухнул чуть ли не до средневековых показателей. В этом, похоже, и состоит причина, по которой женщинам больше не нужно освобождение: в своих гендерных микромирах им гораздо вольготнее, комфортнее. А чтобы такое положение вещей не выглядело уж совсем деградацией (каковой оно, безусловно, является), специалистами от системы была подведена под него нарядная квазифилософская псевдомораль о долге человека, который якобы сводится к долгу гендерному: долгу репродуктивности со всеми вытекающими из нее последствиями» [10].

Генезис сложившегося положения вещей можно было бы объяснить способом функционирования сексизма в патриархальных обществах: транслирующими носительницами мужских ценностей в сексистских обществах в первую очередь являются сами женщины [11, 12].

Однако (при всей самоочевидности данного факта) современная российская ситуация в этом вопросе имеет свою специфику, которая определяет природу вышеобозначенного конфликта, причину массового неприятия феминизма в России сегодня именно женщинами.

Почему ситуация сложилась именно таким образом? В этом вопросе нам поможет разобраться «реабилитирующая» российских женщин теория «социального хаоса» в аспекте анализа содержания понятия индивидуальной социальной идентичности.

С периодом нулевых XX в. в России констатируется распад социальных институтов, если под институтами понимать систему социальных «паттернов», правил игры, принятых в обществе, связанных с определенными ожиданиями и реализацией этих ожиданий.

Структуры, прочно скрепляющие социальную ткань, начали постепенно распадаться, а общество – погружаться в пространство «социального хаоса» [13].

Общество стихийно перестраивалось, структура его стала напоминать многоуровневый пирог, слои которого друг с другом мало связаны [14], а главное, друг для друга не значимы. Это очень важно: если социальная значимость членов общества друг для друга непонятна, они переходят в режим параллельного существования. «Процесс разрушения старой системы может опередить противоположный процесс так, что на какое-то время человек оказывается среди социальных руин… и не располагает для конструирования себя и социальной реальности ничем, кроме этих руин. Человек стремится “смотреться” в Другого (других), как в зеркало, но само зеркало теперь становится мутным» [15].

Социальное существование индивида в любом обществе так или иначе детерминировано его социальным положением, которое он занимает: индивиду необходим социальный отклик-подтверждение его (значимой для него самого и, таким образом, общества) позиции. Здесь речь идет об идентичности. Это очень важный экзистенциальный момент. На вопрос «Кто я?» должен быть позитивный социальный отклик.

Социальный хаос нарушает общественные ожидания, обрушая стабильность, нанося существенный удар по идентичности. Именно это (если речь вести только об исследуемом феминном) произошло с женщинами в постсоветской России. «В стране, власть в которой не может гарантировать своим гражданам достойной жизни, происходят изменения структуры отношений внутри общества, это напрямую затрагивает гендерный режим: право на насилие над уязвимыми группами делегируется от государства локальным акторам на уровне социальных паттернов и бытовой реальности. Отсюда пропаганда гетеронормативного моногамного идеала, покушения на аборты в ОМС, выведение семейных побоев из-под уголовной ответственности и этот замшелый маскулинный крен…» [16]

Тем не менее индивиды как «социальные атомы», непрерывно сталкиваясь, вынуждены каким-то образом взаимодействовать как минимум в повседневной реальности.

Индивид, оставаясь один на один с проблемой самоидентификации, вынужден искать выход из социального хаоса в первую очередь путем поиска стабилизирующих идентичность компонентов повседневного бытия.

Поле повседневности богато на возможные стихийные витальные связи, когда индивид ищет стабильности, признания, общего – разделённого – социального, он находит его на самых простых, наиболее устойчивых, доселе непоколебимых, предлагаемых «традицией» этажах повседневного социального, ощущая безопасность от «привычной», «устоявшейся», добротно ограненной социальным идентичности: «мужчина» и «женщина».

Повседневность, таким образом, как «высшая реальность» [17] обладает потенциалом подлинно значимых социальных связей, надежно «схватывающих» социальное положение индивида и гарантирующих ему «минимальную» (базовую) безопасность самоидентификации.

Между тем установлено, что повседневные интеракции «оседают» в языке: «Язык, используемый в повседневной жизни, постоянно предоставляет мне необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь» [18].

Таким образом, значимые идентичности считываются посредством языка. Действительно, уже многие годы в публичном пространстве (зеркале социального хаоса) обсуждается вопрос о кризисе обращений: каким образом индивидам обращаться друг к другу в повседневной реальности?

Если советская риторика предлагала устойчивые публичные речевые обращения типа «товарищ», «гражданин», «гражданка», то начиная с 90-х гг. россияне в прямом смысле «впали в ступор». Старые (советские) речевые фигуры повседневность отвергла, новые же («господин», «госпожа») также отторгла. Так как же обращаться друг к другу, например, в автобусе? Должно же быть что-то устойчивое, универсальное, то, что отражает идентичность каждого и гармонизирует пространство интерсубъективных взаимодействий, минимизируя социальный хаос?

Есть такие слова/социальные послания. Это гендерные обращения – «мужчина, женщина, девушка, молодой человек, дама» и т. д. Для «слабого пола» вариаций больше.

Итак, можно зафиксировать в повседневных интеракциях уход (бегство) индивида из сферы публичного социального (где индивиды пребывают в растерянном состоянии «кризиса идентичности», на индивидуальном уровне отражая социальный кризис) в сферу «частного» социального. В конце концов, «мужчина» и «женщина» – привычные социальные конструкции, устоявшиеся, сложившиеся, предсказуемые в сфере частной жизни. Они понятны и поэтому комфортны; в случае их актуализации социальные интеракции не затруднительны, предсказуемы, эффективны. Здесь – и именно здесь – социальная ткань общества восстанавливается, кризис (экзистенциально) отступает. Индивид (и мужчина, и женщина) «обретает» и беспроблемно подтверждает свою социальную идентичность.

В изучении гендерной идентичности в России, на наш взгляд, важно помнить о том, что жизнь «простого россиянина» принципиально разделена на две сферы: сфера «публичного» и «частного» бытия. «Публичная» сфера – мужская, построена на мужской системе ценностей. Патриархат исходит отсюда. В этом отношении европейские общества более жестко патриархально выстроены, здесь частное тоже подчинено публичному – логике доминирования мужского. «Проект эмансипации женщин на Западе охватывает историю их борьбы за право *быть* в публичном пространстве: не только присутствовать в нем, но открыто ставить вопросы и получать на них ответы, свободно размышлять и говорить, превращая опыт существования женщин в предмет общественного беспокойства, обсуждения и действия» [19].

Российская гендерная специфика состоит в том, что в частная сфера (домашнего круга) веками выстраивалась в том числе вокруг женской системы ценностей. Образ матери, постулат неприкосновенности и святости материнства, наконец, трактовка Женского посредством культа Девы Марии в православии – всё это говорит об особом статусе женщины в русской семье и по сей день [20].

Значимым моментом в распределении власти в кругу русской семьи являлась принципиальная равнозначность мужского и женского начал в аспекте их социальной функциональности.

За публичные интеракции семьи отвечал глава семьи – муж («большак») (функции распределения земли по наделам, сбора налогов, военная служба, отправки на неё и пр. «внешние» заботы), за «внутренние» – жена («большуха», в подчинении которой находились в том числе (молодые) «парни»): «На попечении большухи – дом, скот и дети (и собственные, и дети сыновей – внуки). Состоятельность большухи оценивал большак – муж, свекор или сын. Критерии оценки – здоровье семьи и скота, в том числе – и защита от магических чар “завидующих соседок”. Успешность большухи – мир между членами семьи, рациональная организация быта, запасов, одежды. И в том числе – организация всех семейных ритуалов: календарных праздников, на которых гостят “по семьям”, поминок, свадеб, проводов в армию» [21].

Советская политика нанесла непоправимый удар по укладу традиционной русской семьи. В первую очередь это коснулось «мужской половины»: семьи фактически

были обезглавлены (ликвидация «большаков» и, как следствие, конфликт поколений, нарушенные сценарии социализации).

Модифицировалась и «женская половина» семьи. В ситуации фактического смещения власти мужчины в публичную сферу путем устранения «советских отцов» из частно-семейной иерархии доминирование в семье (в том числе и большая часть ответственности) перешла к женщине.

Так «частная сфера» в России стала принадлежать женщинам; здесь они обретают «комфортную» социальную идентичность, сберегающую от бурь и невзгод «социального хаоса».

Размышляя об идентичности женщины, очень важно помнить об особом «способе» (пути) её идентичности, имеющем свою специфику, отличную от «мужского пути» самоидентификации. В первую очередь этот способ более «автономен», самодостаточен.

В «фигуре идентичности» большое значение имеет значимый Другой. Таким значимым Другим для девочки является мать (мама), посредством идентификации с которой девочка осваивает «онтологию женского» [22]. Здесь нет «конфликтной зависимости», как в случае с мужской идентичностью, выстраивающейся путем одновременно принятия (фигура матери) и отрицания женского (девочек). (В этом отношении мужская идентичность проблемна, амбивалентна и потенциально агрессивна (априорность сексизма): возникающая вопреки, она всегда находится в зависимости от значимого (латентно отрицаемого) Другого) [23].)

В этой устойчиво-позитивной конструкции (само)идентификации находит современная россиянка поддержку и опору. Частная сфера становится для неё беспроблемным полем самореализации, бегством из проблемного публичного поля «социального хаоса». «Публичный» сексизм её мало волнует. Она не просто «бежит» от него в сферу частного, но даже, кажется, не замечает: полноценность позитивного пути идентичности герметизирует границы женского взгляда, становясь панацеей от сексизма.

Появление феминистского дискурса, говорящего о публичных практиках дискриминации, в последнее время всё более посягающих на частное (права, достоинство женщины), вызывает агрессивное отрицание, массовое раздражение среди российских женщин.

Таким образом, на настоящий в момент в России параллельно существуют две антагонистические «волны» женского движения: обусловленный в том числе конкретно-историческим этапом развития России массовый (преимущественно агрессивный) антифеминизм и «высокий» феминизм с мощным экзистенциальным накалом, реальными витальными практиками утонченного аутентичного феминистского дискурса и растерянным недоумением перед лицом сложившейся ситуации: «Флешмоб “Я не боюсь сказать” дал огромную надежду: женщины начали говорить о своем личном опыте насилия, и он оказался тотально общим в той или иной мере, такая “скрепа” на всю страну; опыте, который не интересен правоохранительным органам, церкви, различным государственным структурам, комитетам, которые будто бы занимаются правами женщин, а речь – это власть. И очень хорошо видны ограничения, которые купируют эволюцию речи от первого лица в политические действия в современном российском гибридном режиме. Речь прозвучала, но она не тянет за собой никаких политических изменений, потому что все шлюзы закрыты. Поэтому в теоретическом отношении российский феминизм никуда не движется, но эмансипационный потенциал из-за все более увеличивающейся пропасти между декларацией и реальностью огромен. Феминистская повестка видна из каждой форточки, но она маргинализируется всеми – властью, современная раздробленная оппозиция ее тоже не видит, но волна все равно захлестывает» [24].

Ссылки на источники

1. Словарь гендерных терминов. Феминизм «третьей волны» (неофеминизм). – URL: http://a-z-gender.net/feminizm-tretej-volny.html.
2. Рахманинова М. Д. Формы сексизма: неожиданный поворот современности. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/formy-seksizma-neozhidannyy-povorot-sovremennosti.
3. Пятилетова Л. В. Мужское и женское: преодоление сексизма в опыте эротической любви // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 9 (сентябрь). – С. 69–77. – URL: http://e-koncept.ru/2016/16187.htm.
4. Рахманинова М. Д. Указ. соч.
5. Пятилетова Л. В. Указ. соч.
6. Шубина К. Н., Пятилетова Л. В. Культ женского тела как утончённый сексизм // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – № 4. – URL: http://web.snauka.ru/issues/2017/04/81914.
7. Здравомыслова О. Российские женщины и эмансипация: незавершённый проект. – URL: http://www.nlobooks.ru/node/2279.
8. Соколов Д. Зачем мужчине терпеть женщину после 40 лет? – URL: http://matveychev-oleg.livejournal.com/5591214.html.
9. Здравомыслова О. Указ. соч.
10. Рахманинова М. Д. Указ. соч.
11. Пятилетова Л. В. Указ. соч.
12. Комарова Е. А. Мета-анализ понятия сексистских установок и их видов. – URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/49776/1/pages%2090-95%20Komarova.pdf.
13. Бляхер Л. Е. Социальный хаос: философский анализ и интерпретация: автореф. ... д-ра филос. наук. – URL: http://www.dissercat.com/content/sotsialnyi-khaos-filosofskii-analiz-i-interpretatsiya.
14. Кондорский С. Сословная структура постсоветской России. – URL: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kordonskij-simon-gdaljevich/soslovnaya-struktura-postsovetskoj-rossii/2.
15. Бляхер Л. Е. Указ. соч.
16. Ролдугина И. Какой будет четвёртая волна феминизма? – URL: https://thequestion.ru/questions/184202/kakoi-budet-chetvyortaya-volna-feminizma.
17. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – 325 с.
18. Там же. – С. 41.
19. Здравомыслова О. Указ. соч.
20. Там же.
21. Адоньева С. Б. Большаки и большухи. – URL: http://folk.ru/Research/adonyeva_bolshak.php.
22. Пятилетова Л. В. Быть женщиной: экспликация женского в антропологии Э. Эриксона // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – № 1. – URL: http://web.snauka.ru/issues/2017/01/76742.
23. Пятилетова Л. В., Орлов Е. С. Природа мужской идентичности как условие гендерного неравенства: к вопросу о неизбывности сексизма // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 7. – URL: http://web.snauka.ru/issues/2016/07/69578.
24. Ролдугина И. Указ. соч.

Lyudmila Pyatiletova,
Candidate of Philosophic Sciences, Associate Professor of Philosophy and History Chair, Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg
Lyuda.p73@yandex.ru

Gender identity against social chaos: Russian antifeminism as a mass female project

Abstract. There is rather curious non-trivial situation with the women's movement in modern Russia: on the one hand, we can witness "high" feministic discourse in the public sphere, on the other hand, women's antifeminism is rapidly intensifying. In this fundamentally conflicting confrontation, which makes a split in the ranks of the Russian women's movement (which is constantly emerging) and significantly undermines its emancipatory character, the following contents of the article help us to understand the nature of the social processes that are taking place: (1) the theory of "social chaos", (2) the researches in the field of gender (female and male) identity establishment, (3) the latest anthropological data on the modified model of classical Russian family. Thus, the article admits the fact of women's antifeminism surge reasonableness in Russia by revealing the causes of Russian women's mass anti-feminism genesis, which are not obvious for modern feministic discourse.

Key words: gender, identity, social chaos, woman, feminism, antifeminism, sexism.

References

1. *Slovar' gendernyh terminov. Feminizm «tret'ej volny» (neofeminizm).* Available at: http://a-z-gender.net/feminizm-tretej-volny.html(in Russian).
2. Rahmaninova, M. D. *Formy seksizma: neozhidannyj povorot sovremennosti*. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/formy-seksizma-neozhidannyy-povorot-sovremennosti (in Russian).
3. Pjatiletova, L. V. (2016). “Muzhskoe i zhenskoe: preodolenie seksizma v opyte jeroticheskoj ljubvi”, *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal “Koncept”,* № 9 (sentjabr'), pp. 69–77. Available at: http://e-koncept.ru/2016/16187.htm (in Russian).
4. Rahmaninova, M. D. Op. cit.
5. Pjatiletova, L. V. (2016). Op. cit.
6. Shubina, K. N. & Pjatiletova, L. V. (2017). “Kul't zhenskogo tela kak utonchjonnyj seksizm”, *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii*, № 4. Available at: http://web.snauka.ru/issues/2017/04/81914 (in Russian).
7. Zdravomyslova, O. *Rossijskie zhenshhiny i jemansipacija: nezavershjonnyj proekt*. Available at: http://www.nlobooks.ru/node/2279 (in Russian).
8. Sokolov, D. Zachem muzhchine terpet' zhenshhinu posle 40 let? Available at: http://matveychev-oleg.livejournal.com/5591214.html (in Russian).
9. Zdravomyslova, O. Op. cit.
10. Rahmaninova, M. D. Op. cit.
11. Pjatiletova, L. V. (2016). Op. cit.
12. Komarova, E. A. *Meta-analiz ponjatija seksistskih ustanovok i ih vidov*. Available at: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/49776/1/pages%2090-95%20Komarova.pdf (in Russian).
13. Bljaher, L. E. *Social'nyj haos: filosofskij analiz i interpretacija: avtoref. ... d-ra filos. nauk*. Available at: http://www.dissercat.com/content/sotsialnyi-khaos-filosofskii-analiz-i-interpretatsiya (in Russian).
14. Kondorskij, S. *Soslovnaja struktura postsovetskoj Rossii*. Available at: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kordonskij-simon-gdaljevich/soslovnaya-struktura-postsovetskoj-rossii/2 (in Russian).
15. Bljaher, L. E. Op. cit.
16. Roldugina, I. *Kakoj budet chetvjortaja volna feminizma?* Available at: https://thequestion.ru/questions/184202/kakoi-budet-chetvyortaya-volna-feminizma (in Russian).
17. Berger, P. & Lukman, T. (1995). *Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znanija*, Moscow, 325 p. (in Russian).
18. Ibid., p 41.
19. Zdravomyslova, O. Op. cit.
20. Ibid.
21. Adon'eva, S. B. *Bol'shaki i bol'shuhi*. Available at: http://folk.ru/Research/adonyeva_bolshak.php (in Russian).
22. Pjatiletova, L. V. (2017). “Byt' zhenshhinoj: jeksplikacija zhenskogo v antropologii Je. Jeriksona”, *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii*, № 1. Available at: http://web.snauka.ru/issues/2017/01/76742 (in Russian).
23. Pjatiletova, L. V. & Orlov, E. S. (2016). “Priroda muzhskoj identichnosti kak uslovie gendernogo neravenstva: k voprosu o neizbyvnosti seksizma”, *Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii*, № 7. Available at: http://web.snauka.ru/issues/2016/07/69578 (in Russian).
24. Roldugina, I. Op. cit.

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию *Received*	15.06.17	Получена положительная рецензия *Received a positive review*	30.06.17
Принята к публикации *Accepted for publication*	30.06.17	Опубликована *Published*	31.08.17

ISSN 2304-120X
www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2017
© Пятилетова Л. В., 2017